

ЛЕКСЕМА ЗАКОН И КОНЦЕПТ «ЗАКОН» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

© Волков В.В.*

Тверской государственной университет, г. Тверь

В контексте русской лингвокультурологии рассматривается содержание лексемы закон в сопоставлении с семантическим ядром концепта «Закон», констатируется низкий уровень антропоцентричности данных феноменов языка и языкового сознания.

Ключевые слова: лингвокультурология, антропоцентризм, концептосфера права, закон.

Правовые концепты – объект **лингвокультурологии права** как одной из ветвей лингвокультурологии, которая находит свою специфику по предмету исследования (аналоги: *лингвокультурология искусства / политики / образования* и т.д.). Исходная задача – соотнести семантику лексемы *закон*, как она отражена в толковых словарях, с семантическим ядром концепта «Закон» как интегральным перцептивно-когнитивно-аффективным феноменом языкового сознания [6, с. 243], составляющим «основу коллективного и / или индивидуального языкового сознания, отражающим значительную часть структур бессознательного и сверхсознательного» [2, с. 126]. Сочетая элементы обыденных и профессионально-правоведческих представлений о *праве*, концепт «Закон» оказывается «на перекрестке» смежных, но разных картин мира.

Лежащий в основании концептосферы «Право» концепт «Закон» как предмет лингвокультурологии нетождествен понятию «закон» в правоведении. Как неоднократно подчеркивал в своем фундаментальном труде «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов, «непосредственный предмет – не объекты наук (таких, скажем, как культурология; религиоведение; история и теория права и т.д.), а концепты, ценности соответствующих областей культуры» [14, с. 573]. Закон юридический, исходящий от земной власти, если следовать Словарю В.И. Даля, лексикографически наиболее точно отражающему реальности русского менталитета, – лишь частный, весьма ограниченный случай более общих законов, ср.: «**Закон**... (чем дело закончено) предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти. *Закон Божий*, откровение, составляющее сущность веры; *закон христианский*, христианская вера. *Закон природы* или *естественный закон*, которому неизбежно следует вся вещественная природа. *Законы гражданские*, установленные гражд-

* Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук, профессор.

данскою, государственною властью, для обеспечения быта граждан, противопоставляются *законам духовным*, т.е. относящимся до дел веры, или же до духовного мира, духовной жизни; противопоставляются также *законам военным, уголовным*» [5, т. 1, с. 588].

Как видим, в толковании Даля фиксирована энантиосемичность ядерной части значения лексемы *закон* (добавим: и концепта «Закон»): это одновременно «начало, основание», и завершение («чем дело *закончено*»). Концепт «Закон» фундируется одновременно противоположными членами архетипических оппозиций, изначально пространственных: *верх / низ, небо / земля*, которые в обыденной ментальной картине мира имеют «соответственно положительное и отрицательное значения» [16, с. 5], откуда и коннотативная антиномичность отношения к закону как явлению социальной жизни: его признают и одобряют, одновременно негодуя, протестуя и критикуя, в разных формах встают против наличного закона – Божьего или человеческого, но тут же всеми доступными средствами утверждают новый или обновленный, переосмысленный старый закон. Семантическая категория, сплавляющая эти противоположности в целое, – «предел»; порядок следования элементов толкования у Даля неслучаен, отражает бытийную значимость того или иного предела, его, так сказать, «переходимость»: сначала культурный «верх» – Закон Божий, небесный, нравственный, преступить который можно только ценой утраты в себе истинно человеческого, только затем земное – законы *гражданские, военные, уголовные*.

Нравственное и правовое в русском языковом сознании находятся в отношениях иерархически организованного «взаимопронизывания» (подробно об этом: [3]), – при доминировании нравственного начала, что, между прочим, отзывается даже в социальных ожиданиях от судей «судить по закону и внутреннему убеждению», то есть опираясь на закон и голос совести (= нравственности), не говоря уже о том, что в русском менталитете Справедливость всегда воспринималась как явление, стоящее над законом, как Закон вечный. Именно это имел в виду совсем еще молодой Пушкин в оде «Вольность» (1817): «Владыки! вам венец и трон / Дает Закон – а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон» [11, с. 46]. Именно «вечный», а не земной. Земные законы подвластны царям, вечные – руководят и царями, и подданными.

Представление об энантиосемичности современной лексемы *закон* и относительного с ней концепта «Закон» подтверждается и этимологической семантикой «завершительности» *закона*, которая отчетливо просматривается в его древнерусском противопоставлении архаизму *покон*, с этимонами ‘начало’, ‘обычай’. По И.И. Срезневскому, эти две лексемы сходились в максиме требования «“по закону и по покону” – по закону и по обычаю» [13, с. 923]. С уходом из употребления *покон* его антоним *закон* стал носителем противоположных смыслов, ср.: в древнерусском языке «**законъ** – 1) “божеский за-

кон, завет»; 2) «закон, установление, исходящее от власти, противоположное «обычаю, покону»» [17, т. 1, с. 315], в этих смыслах культурные «верх» и «низ» сходятся в одном дереве значений, как корни, ствол и ветви.

Современное секулярное языковое сознание, в том числе научное общегуманитарное и даже профессионально-филологическое (лексикографическое), эту принципиально важную для культуры связь «верха», нравственных корней, и «низа», социально-правовых производных, обусловленность земного небесным, склонно не замечать; религиозная, сакральная составляющая *закона* как *завета*, «соглашения» между Богом и человеком (по существу, основание закона) отодвинуто на дальнюю периферию типичной современной словарной статьи, что отражает десакрализованный, приземленно-мирской характер нынешней европейской культуры, в том числе ее правовой составляющей, ср.: «**Закон**... **1.** Нормативный акт, постановление высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и имеющий юридическую силу. *Кодекс законов о труде*. <...> **2.** *обычно мн.*: законы, -ов. Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным, непреложным; обычай. *В политической жизни свои законы. Законы чести, гостеприимства, приличия*. <...> **3.** Объективно существующая необходимая связь между явлениями, внутренняя существенная взаимосвязь между причиной и следствием, устойчивое отношение между явлениями. *3. природы*. <...> **4.** *обычно мн.*: законы, -ов. Основное положение какой-л. деятельности, творчества, игры и т.п. *Законы правописания. Законы художественного творчества. Шахматные законы*. <...> **5.** Система нравственных и обрядовых требований, принципов какого-л. религиозного учения; свод религиозных правил и норм. *Православные законы. 3. Божий* (православное учение как предмет преподавания; учебник по христианской догматике)» [9, с. 327]. Специально отметим, что *Закон Божий* в данной статье трактуется даже не как «принцип», но всего лишь как «предмет преподавания».

Лексикографическая отстраненность от вопросов, связанных с Божьим началом в сфере *закона* (а следовательно, и *права*), закономерно нивелирует и «чисто человеческую» его составляющую, вопреки современным антропоцентрическим тенденциям развития филологии как науки [1, с. 3-4]. Неслучайно в цитированной словарной статье нет лексемы *человек* (толкуемый *закон* существует как бы «вне человека»). Это замечание может показаться несколько искусственным, но оно основывается не только на филологических словарных данных, но и на особенностях терминографического отображения правовой сферы.

Вторая статья нашей Конституции провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [8, с. 4], –

однако никаких разъяснений, что такое человек, в чем своеобразие того существа, права и свободы которого должно защищать государство, не содержит, закономерно вынося его в пресуппозицию (подразумеваемое). Это основополагающее подразумеваемое, казалось бы, должны разъяснить иные правовые источники. Однако, например, раздел юридического энциклопедического словаря «Конституционное право России» [7] на букву «Ч» открывается статьями «Член Правительства Российской Федерации» и «Член Совета Федерации», – статьи «Человек» в этом издании нет. Аналогичной статьи нет и в объемной «Юридической энциклопедии» [15]. С другой стороны, в энциклопедическом словаре «Человек» нет статьи «Закон» [4]. Учитывая особый авторитет энциклопедических словарных изданий, приходится предполагать, что Человек и Закон в современной культуре существует как бы в разных гуманитарных измерениях, слабо между собой пересекающихся.

Показательны и материалы массового ассоциативного эксперимента. Наиболее частотные ассоциаты в академическом «Русском ассоциативном словаре»: «**Закон**: суров **5**; Божий **4**; есть закон, *строгий, суровый 3*; *выполнять, для всех*, дышло, не писан, о печати, *правосудие, природы, соблюдать 2*» [12, с. 207]. Как видим, в языковом сознании в числе наиболее частотных ассоциация «**закон – Божий**», ожидаемые ассоциации «**закон – государство, человек**» зафиксированы лишь как единичные.

В истории права, особенно в рамках психологической школы, взаимосвязь закона и нравственности трактуется как основополагающая, как, например, в фундаментальном труде Л.И. Петражицкого (1867-1931), где, в частности, читаем: «В области тех случаев и вопросов поведения, которые предусматриваются и разрешаются в том или другом смысле государственными законами или иными позитивно-правовыми определениями, например, в области отношения к чужой жизни, собственности, в области имущественно-делового оборота, купли-продажи, найма квартиры, прислуги, извозчиков, займа и иных кредитных сделок и проч. и проч., люди фактически приписывают на каждом шагу себе или другим разные обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права все не потому, что так написано в гражданском кодексе или т.п., а потому, что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть; да они обыкновенно и не знают вовсе, что на подлежащий случай жизни предписывают статьи гражданского или иного кодекса, и даже не думают о существовании этих статей и кодексов» [10, с. 87]. Подобно тому как в любой сложной системе управляющий фактор находится за пределами системы или, во всяком случае, не является ее частью, так и механизмы внутреннего приятия, а затем – и осознанного следования Закону находятся за пределами правового сознания, их фундамент – обыденные представления об этически приемлемом / неприемлемом и выше этического – о нравственном.

Список литературы:

1. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста: Курс лекций / Тверской госун-т. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 147 с.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учеб. пособие / Тверской госун-т. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 221 с.
3. Волков В.В., Воднева А.А. Правовое и этическое сознание как бинарный объект лингвокультурологии // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – Режим доступа: www.apriori-journal.ru/serial/2-2013/Volkov-Vodneva.pdf.
4. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 1999. – 520 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Репринтное издание: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1999.
6. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С. 234-244.
7. Конституционное право России: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.И. Червонюка. – М.: Юрид. лит., 2002. – 432 с.
8. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2009. – 64 с.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
10. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 608 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813-1824 годов. – М.: Худож. лит., 1974. – 744 с.
12. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. – СПб., 1893. – 1420 стлб.
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
15. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. – 1008 с.
16. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2001.